

УДК 101.1

«ПРАКТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ»: СОПРЯЖЕНИЕ РЕФЕРЕНЦИЙ

Шоркин А. Д.

Аннотация: Именем «практическая философия» (ПФ) в настоящее время означены многие денотаты, настолько разнообразные и слабо коррелируемые, что правомерны сомнения: стоит ли им вообще пользоваться, если мы хотим избежать путаницы? Из разнообразия трактовок в статье рассмотрены традиционные версии понимания ПФ как благих намерений, персонального совершенства и утешения. Представленные версии некоторым образом согласованы, сопряжены в референциальном отношении. Чего лишены иные трактовки ПФ, о которых пойдет речь в отдельной статье. Номенклатура всех шести основных вариантов использования ярлыка ПФ составлена автором на основании выборки более двух сотен текстов. В нее вошли, помимо текстов историко-философского наследия, материалы Всероссийской и некоторых региональных конференций, посвященных ПФ, специального выпуска журнала «Ученые записки» КФУ, а также ряда учебных пособий и книг по ПФ.

В современной философии не существует никакой ее особой части (раздела) которую было бы уместным считать «практической». Но издавна и по сей день существует колоссальное обилие эффективных практик применения философского знания к разным областям жизни, которые, вкуче и по отдельности, с незатейливой неразборчивостью омонимии именуется как «ПФ». Универсальный учебный курс по ПФ невозможен. Любые ментальные структуры, сколь абстрактными они бы ни были, в конечном счете, находят свое высокое и в то же время земное оправдание в их приложении к повседневной реальности. Ярлык ПФ удостоверяет не логику вещи, а логику ее атрибута: им означен факт продуктивности философского исследования любых вещей и процессов. Практические экспликации философских содержаний органично входят в тело философии, но не в качестве его какого-то, лишнего и нелепого отдельного органа, а как его атрибутивная функция.

Ключевые слова: практика, поступок, персональное совершенство, протрептик, утешение, философская терапия.

Благие намерения

Возникновению ярлыка, насколько можно судить по сохранившимся текстам, мы обязаны учителю одной из школ платоновской Академии. Алкиной, будучи несомненным эпигоном, во второй половине II века н.э. составил учебник, в котором с бесхитростной прямоотой изложил собственное упрощенное понимание классического наследия. Для него практика – это «знание того, как нужно поступать» [1, с. 68]. Знание также может быть «теорией» (когда оно постигает «сущее») или «диалектикой» – в случаях постижения «смысла речей». Важно, что практика трактуется им как один из трех видов

знания. Посему философия без труда и сомнений делится на три части: «теоретическую», «практическую» и «диалектическую». Далее общим ярлыком практической философии (ПФ) означены ее такие составляющие, как этика, экономика и политика, что впоследствии признавалось несомненным многие столетия.

Сегодня многочисленные последователи классической версии, конечно, экономику и политику в составе ПФ не числят. То, чем занималась диалектическая философия, теперь в основном составляет предмет логики. Крутые перемены претерпел и концепт теоретической философии: из ее состава бесповоротно вышли традиционно считавшиеся обязательными теология, физика и математика. Новаторы заменили их расплывчатыми и часто противоречащими одна другой трактовками умозрительной «метафизики», без стеснения предпочли здесь следовать «путем паука». Применение же единственно достойного для философии (как полагал Ф. Бэкон) «пути пчелы» здесь не поощряется. Его оставили для ПФ как этики – для понимания блага, добродетельного образа жизни и свободы выбора должного. Предметным ядром такой модифицированной и обновленной классической версии ПФ считается «область свободы», которая, собственно, и полагается практикой [2, 41]. ПФ всегда следует начинать с определения «должного», с ответов на вопросы, что такое «добро» и как поступать, чтобы его достичь; именно так надлежит поступать профессионалам [3, с. 287].

Подобные рекомендации можно только приветствовать – они указывают на возможность пути персонального совершенства, на то, что философу и всякому человеку приличествуют поступки и образ жизни, соответствующие его убеждениям. Они для философии вполне традиционны, в ее истории многие именно этот нелегкий путь искали и находили. Из постклассических рекомендаций, таким образом, следует, что в дисциплинарном отношении современный курс ПФ может быть обеспечен сочетанием трех дисциплин – аксиологии, деонтологии и праксеологии, а стратегическая цель ПФ традиционно состоит в персональном совершенстве.

Однако дисциплинарной проработки полезных рекомендаций в этой версии ПФ не происходит. Здесь тексты напоминают ознакомительные фрагменты книг в интернете, обрывающиеся на самом интересном: что же именно следует считать «добрым» и «должным», как именно своей «свободой» распорядиться? Ответы предоставляется искать самим вопрошающим, в этом ПФ и состоит. Даже как проверить их, неясно. Конечно, такая версия ПФ принципиально не допускает дисциплинарной определенности. Словом *discipline* монахи именовали многохвостую плетку с узелками, нужную для самобичевания, для наставления на путь истинный. Дисциплинарный формат подразумевает строгость и четкость уже на этимологическом уровне. Чего лишена этика благих намерений. Потому как какая из многих и не всегда праведных дорог ими выстлана? Свобода выбора пути для витязя на распутье перед камнем, от которого идут разные дороги, то и дело норовит обернуться тревожным недоумением (а иногда и задумчивостью роковой продолжительности, как это произошло с несчастным животным Буридана).

Универсальная презумпция морали, которая известна то в виде «золотого правила», то в качестве «категорического императива», в реальной жизни дополнена множеством

разнообразнейших и нередко противоречащих одна другой этических систем. Задача ясного различения добра и зла считалась сакральной ношей, посильной разве что небожителям или императору Поднебесной. Эта тысячелетиями наблюдаемая ситуация несогласованности этических стратегий земных обитателей демонстрирует затруднительность (по мнению Т. Адорно, «невозможность») построения связного учения о морали [4]. Увы, сегодня «гуру» с их произвольно слепленными учебными дисциплинами по большей части только повторяют архаичные рекомендации или, что вовсе гадко, пытаются увлечь неокрепшие умы на фальшивые «мэйнстримы».

Кроме этого, если острые, беспокоящие людей проблемы динамичны, а прогресс морали вял или вовсе сомнителен, то каким образом их способен разрешить несовершенный в этическом плане человек? Но ведь всегда решает, хотя и не без ошибок! Разве есть хоть какие-нибудь указания на то, что технические изобретения стимулированы благими намерениями, а не выгодой, тщеславием или ленью? Или что политические инновации были внесены, что уж вовсе забавно, людьми высокой морали?

Наконец, не лишним в оценке результативности этой версии ПФ может быть учет опыта утилитаризма. Например, его стороннику Питеру Сингеру удалось написать о «вещах, действительно важных» полезную и глубокую книгу, которая доступна неискушенному читателю [5]. Ее тематика широка и увлекательна, однако исследование затронутых тем, как подчеркивает автор, «с позиций морального выбора XXI века» не позволило ему хоть как-то их систематизировать. Вопрос о связности тематики автором предусмотрительно не поставлен, читателю предложен разноречивый изысканный эссе. Даже в таком, далеком от дисциплинарности формате, обращение к жизненной конкретике, к стилистике «разговора запросто», органичных в прошлом для Сократа или Э. Роттердамского, от современных философов требует немалой смелости. Обсуждение конкретных тем в газете, публичном пространстве еще полвека назад снобистски квалифицировалось как предел падения академического достоинства философа. От язвительных нападок иногда частично спасает толстая шкура утилитаризма.

Персональное совершенство: Симург

Традиционным символом устремленности к персональному совершенству многие тысячи лет были птицы. Ведь они к небесной чистоте ближе, с высоты горизонт открывается шире. Именно птицы гнездятся на всех (и реальных, и метафизических) деревьях – будь то дерево жизни, древо смерти, бессмертия, древо познания или истины. Также именно им свойственно пускаться в рискованные и далекие путешествия, улетать в неведомые географические и ментальные края. Собственно, сам побег древа мира, согласно общему евразийскому мифу, был принесен на землю царственной, схожей с орлом птицей. Любое такое «древо» как мифологический концепт устройства и постижения мира (будь то в индийском, ассирийском, нанайском, египетском и всех иных его прорисовках), без птиц немыслимо. Ни на одной из средневековых миниатюр птиц нет в исключительный и роковой момент соблазнения Евы – потому змей в отсутствии добродетельных защитников и осмелился выползти из-под корней древа, подняться по его стволу, осквернить запретный плод своей греховной пастью и в итоге способство-

вать открытию новой страницы истории. На акварели Уильяма Блейка среди сиротливо пустых ветвей деревьев Рая тогда блещут грозные молнии, и только Христос выводит Адама и Еву в мир опыта.

Главная птица, «царь птиц», как приличествует важной персоне, имеет множество имен. В шумеро-аккадском «Гильгамеше» его зовут Анзуд, в эпосе древней Индии – Гаруда, у тюрков Средней Азии – Каракус. В Иране царь птиц известен как Симург. Или как Каршиптар, который когда-то учил Заратуштру и легко излагает «Авесту» на птичьем и человеческом языках. В качестве символов чудесного соединения земного с небесным, образцов совершенства в мифопоэтической традиции также известны, среди многих прочих, Жар-птица и Сириус, Феникс (в Китае именуемый Фэнхуан), ангел-хранитель Фаравахтар, Алконост и Гамаюн.

«Царь птиц» наделен амбивалентной природой. Анзуд, обитающий на шумерском мировом древе Хулуппу, посредник между богами и людьми, прежде пытался выкрасть таблицы бога Энлиля, из-за чего временно нарушался ход вещей. Как всякая вещая птица, Симург также обладает двумя натурами – благой и демонической. Без труда допускается, соответственно, темпоральное раздвоение телесности царя птиц – на созидательную его ипостась и на вторую, несущую зло. Он, попеременно, то один, то совсем другой, противоположный первому. На многих древних изображениях что Симург, что Анзуд наглядно представлены не единственной птицей, а их парой, близнецами. У китайцев темпоральное раздвоение прямо подано в пространственном ключе: их Бийняо составляет «пару неразлучников», он двуглав, его два тела срослись. Взятый в телесной разделенности, царь птиц жалок, нелепо ковыляет на одной ноге, неловко взмахивая единственным оставшимся крылом. В телесной же (и ментальной) своей полноте Бийняо прекрасен и смел, только он способен отважиться пуститься в путь, который всеми подразумевается невозможным – на дерзостный полет на Луну.

Как видим, на деревьях устроения и постижения мира птицы селятся по праву, символизируя и стремление к персональному совершенству, и дерзость покушения на подразумеваемое, и мужество преодоления неизбежных неудач на этом тернистом пути. Именно поэтому они так прекрасны, что вся красота мира – лишь отблеск сияния оброненного пера Симурга. Для Фариды Атгара [6], как и для иных великих поэтов, великолепие оперения царя птиц служит общепринятой на протяжении сотен лет метафорой высоты духовного начала.

Важный урок для прояснения предмета ПФ (а не просто философии, о которой фактически говорилось выше), возможно, содержится в трактовке этой распространенной символики древними индусами. Риг Веда сообщает нам о двух птицах «дивного» оперения, находящихся на одном плодоносном дереве, причем «одна из них ест сладкий плод, а другая смотрит и не ест» (самхита 10.164. 20-22). С незначительными вариациями этот же текст воспроизводят Упанишады (Мундака, 3.1. 1-2; Шветашватара 4. 6-7), что подчеркивает его значение. В современных текстах часто встречаются имена этих птиц – Дживатма и Атма, прозрачно означающие разницу между чистым знанием и прагматической ориентацией, между трансцендентным уровнем сознания и его обыч-

ным, вовлеченным в деятельность состоянием. Главный же сюрприз состоит в том, что их невозможно отличить друг от друга!

Птицы совершенно одинаково выглядят, встречаются даже попытки считать их не просто близнецами, а единым, хотя и двуглавым образованием. Когда бы одна из птиц символизировала теоретическую, а другая – практическую философию и они действительно были бы различными ее частями, то мы без труда узнавали бы их по «оперению» или еще какой-нибудь «стате». Но, пока кто-то не клюнет плод, ничего не ясно, только функция «клевания» питательного плода их и отличает. ПФ – функция философии, а не часть. Об этом нам и рассказывает древняя притча.

«Си мург» буквально значит «тридцать птиц», а «сирр» – это сокровенная суть человека [7, с. 91–92]. К суфийскому образу тариката как сложнейшего пути поиска Симурга птицами, который одолели всего только тридцать искателей из неисчислимой их стаи, помимо Фарида Атгара обращались Ибн Сина, аль-Газали, Алишер Навои [8]. Царь птиц, согласно рассказам поэтов и философов, последовал своей амбивалентной природе и покинул подданных, вследствие чего гомон птиц стал хаотичным и маловразумительным, а их мир погрузился в анархию.

Заметим, что даже древо обитания птиц, именуемое в византийской традиции *Arbor Peridexion*, носит печать этой амбивалентности: прежнее греческое значение *περιδεξιον* как «ловкости», нужной для передвижения по древу познания, в латинской транскрипции сурово дополнено «погибелью», потому как всякое познание умножает скорбь. Ведать и ведьма – слова однокоренные. Путь по древу опасен, но правда и клятва, что в средневековом Новгороде, что в германских городах Ганзы, сопрягает в качестве синонимов «целовать крест» и «взять честное древо» [9, с. 156]. Ближневосточная история о Симурге могла бы быть принята также в совсем иных культурных регионах. О чем и свидетельствует ее сюжет.

Разногласия покинутым и гомонящим птицам было преодолеть очень непросто, но все же они пустились на поиски царя. После многих испытаний (то ли «семью долинами», то ли практиками восьмеричного пути) уцелевшие счастливицы достигли цели. Вглядываясь в Симурга и вопрошая «кто же ты?», каждая из птиц, однако, увидела только собственное зеркальное отображение. Как сказали бы последователи Юнга, они достигли Самости. Ну а зеркало – что может быть лучше метафоры рефлексии?

Если бы древо познания росло сегодня, на месте птиц, конечно, постарались бы угнездиться философы. Птичий язык – это повсеместная и привычная эмблема сокровенной, высшей мудрости. Только избранным, например, Франциску Ассизскому, как считалось, было открыто его понимание. Перенимая пристрастия и повадки разных птиц, философ зачастую тщится изобрести свой особенный язык, щебечет на нем, увлеченно клекочет или каркает с теми немногими, кто удостоен его понять. Но теперь, как когда-то, встарь, анархия, разноголосица и причудливая нестесненность философского гомона стали (похоже, надолго) нашим уделом. Философы почти прекратили говорить друг с другом, каждый внемлет языку своего племени. Увы, Симурга никто не ищет и, похоже, он ныне вообще предпочел философскому древу – древо science.

Версии и сплетения существующего метафизического хаоса, однако, в одном исключительном случае принципиально и жестко ограничены: в практиках его применения непозволительно отказываться от «истины». Не от ее истолкования – кто бы мог покуситься на свободу мысли, – а на само наличие и практическое применение этого критерия, разоблачающего заблуждения и намеренную ложь. Найти Симурга и значило найти истину. Концепций «истины» может быть много, смертельно опасен отказ от них всех, ее «обнуление». Когда нет Истины, умирает религия, отсутствие истины означает смерть науки и гибель философии.

Первыми на эту жуткую и скользкую тропу в самом начале философского «гнездования» вступили софисты, их бунт удалось обуздать Сократу. Второй раз на эти же «грабли» случилось наступить в XX веке. Ницше с чувствительностью кота (за сравнение пусть отвечает его автор М. Уэльбек) уловил поначалу едва слышные поскребывания софистических «мышей» Западной культуры. Позже завораживающие кружева постмодернизма вполне предсказуемо украсили и спровоцировали кошунственные сдвиги прежних устоев католической и протестантской церкви, гендерную вакханалию, попытки реванша паранауки. Теперь искусство с легкостью имитируется, а образование профанировано узкой прагматикой компетенций. Позитивные метафизические санкции получили ритуальные жесты «отмены» культуры, утвердились процессы измельчания и санкционированной лживости западных политиков. Когда истина изъята, блокирована – все, во всех сферах дозволено и возможно.

Только впоследствии непременно придется исправлять все, что натворили. Способствует ли, однако, такой ключевой задаче современный уровень дискурсов, беззастенчиво именуемых ПФ? Разве исследования в этой трактовке ярлыка сфокусированы на достижение истин, а гипотезы ПФ здесь подвержены жесткому отбору критериями подтверждения и фальсификации? Совершенные люди, конечно, с устроенным хаосом справятся лучше, но насколько целесообразно ограничивать ПФ стремлением к персональному совершенству?

Заметим также, что в реальной действительности люди скорее пытаются подыскать философское оправдание своему образу жизни, чем подчинить его регулятивной метафизической доктрине. Благо, пестрое обилие этических установлений в разных субкультурах позволяет выбрать нечто более или менее подходящее и подогнать его «под себя». Чем примитивнее доморощенная философия жизни, тем с большим сомнением она преподносится и отстаивается. Попробуйте доказать рецидивисту, что нехорошо жить «по понятиям» – ведь они для него и есть «должное», а уж в вопросах свободы он и вовсе считает себя академиком. Всякий взяточник, мошенник с уверенным куражом руководствуется расхожей программной установкой: если ты такой умный, отчего ты такой бедный? Коли уж дали возможность самостоятельно выбирать путь персонального совершенства – нечего сетовать на многие негативные результаты.

Большинство философов ПФ к этому процессу не сводят. Они не склонны очерчивать «практику» сферой свободы (тем более, считать типом знания), понимают «практику» шире – как всякую материальную деятельность, к важному делу поиска правиль-

ного и достойного поступка не сводящуюся. Существенную роль в распространении материальной трактовки практики сыграли кардинальные изменения представлений о соотношении эмпирического опыта и практики с созерцательным теоретизированием, сложившиеся в Новое время с генезисом science.

Прежнюю позицию ясно подытоживает Алкиной: «Итак, философу пристало непосредственное созерцание: его он должен постоянно питать и усиливать, а к жизни деятельной обращаться постольку - поскольку» [1, 68]. Схожая позиция с очевидностью прослеживается также в китайской стратегии «недеяния» (у-вэй). Со времен Махабхараты индусы традиционно считали, что даже должное дело надлежит совершать «без привязанностей» (Бхагавадгита, III, 19). Себя еще можно стремиться изменить, но не других, не мир. Майевтика Сократа характерна минимизацией внешней активности, а уж о том, чтобы «не объяснять, а изменить» мир, философы заговорят совсем не скоро. Мудрец, согласно Алкиною, вынужден только «поневоле», время от времени обращаться к практическим делам – когда те идут недопустимо плохо: ведь они непременно совершаются с помощью тела, а душу от тела надобно «отвратить». Вполне, как видим, средневековый пассаж, легко сочетаемый с высотой и совершенством эйдосов у греков, с жесткой иерархией эпистеме и техне! Архимед и впрямь стеснялся своих изобретений, считая их «игрушками геометрии».

На великолепной калиптре (выходном одеянии, вместо повседневной туники) Философии, которая явилась Боэцию в его скорбные дни, этой сиятельной дамой собственноручно были вышиты буквы «π» и «θ» [10, с. 191]. Нужно ли уточнять, что первая из букв, означающая практику, располагалась внизу, на подоле, тогда как знак умозрительной теории – на максимальной высоте? Снисходительное отношение философа к практике оставалось прочно санкционированным и в не столь уж давние времена. «Королевский путь» философии даже в XIX веке, случалось, противопоставлялся «плебейским тропам» ученого. В настоящее время любое умаление практики (ее сферы или роли), вероятно, представляется сторонникам иных версий ПФ несообразным и архаичным высокомерием, оставляющим вне зоны рассмотрения многие важнейшие стороны жизни.

Утешение

Жанр «утешения» философией традиционно дополнял дискурсы о сложных путях духовного роста: ведь абсолютного иммунитета к неудачам удается достичь немногим, на случаи болезненных затруднений нужно также лекарства подходящие предусмотреть. Цицерон только следует традиции, рассуждая о философии, как о логосе достойной жизни и полагая ее «наукой об исцелении души» (Тускуланские беседы, III. 3, 6). Эпикур называет ее «лекарством для бедняков», а Боэций разворачивает уникальность сюжета собственного утешения в стандартной последовательности: диагноз – стадии лечения – исцеление. Историки философии справедливо отмечают, что в античном мире такая ее «подлинно практическая функция» была общепринята [10, с. 395].

В средние века церковь трансформировала исполняемую философией терапевтическую роль в миссию спасения души, которую взяла на себя религия. В Новейшее время люди не перестали исповедоваться священникам, но также стали доверять потаенное поя-

вившимся профессиональным психологам. От скандальных успехов психоаналитических сеансов и сочинений Фрейда практики психотерапевтического консультирования быстро оформились в распространенный и прибыльный бизнес. Ныне к жанру консультирования – утешения нужным считают вернуться и некоторые современные философы.

Книга, например, Алена де Боттона предназначена для поддержки наших современников, которые «испытывают невзгоды», страдают от безденежья или не пользуются популярностью [11]. Каждая из шести ее глав рассказывает о том, как мыслители прошлого преодолевали те или иные сложные жизненные ситуации. В отличие от Сенеки, которые посвящал «утешения» конкретным персонам (Полибию, Марции, матери Гельвии), хотя и предназначал их многим, современные тексты изначально характерны широким адресатом. В главном же – в опоре на идеи философского наследия – жанр утешения остается неизменным: на помощь утешаемому человеку неизменно призывается философия. Наличие прямой и сильной связи между стилем мышления и здоровьем человека постулируют авторы и модераторы (Ю. Орлов и другие) мастер-классов по «технологиям саногенного мышления», которые много лет с успехом проводились в Московском педагогическом университете. Об «исцелениях» философией и размышлениями с помощью этих технологий СГМ рассказывает целая серия опубликованных брошюр. Аналогично, согласно Н.В. Омельченко, терапевтический эффект непосредственно продуцируется философской рефлексией, является ее «скрытой» и «чудодейственной» компонентой [12]. Боттон или Юрий Орлов намеренно (и по праву) называют свои сочинения так же, как и Бэций.

Понятно, утешение философией предполагает определенное знакомство с нею. Консультирование и персональная терапия невозможны без курса философской пропедевтики. Однако учебная и терапевтическая консультации преследуют разные цели: научить и вылечить – это совсем не одно и то же. Так что же здесь оказалось под ярлыком ПФ?

Когда-то философы (в отличие от современных их последователей) обучающую и терапевтическую составляющие утешающей поддержки человека четко различали. «Побуждение» или «приглашение» (от др. греч. протротт) к философским размышлениям греки выделяли в качестве особого и важного жанра. Утраченная работа Аристотеля, коей следовали и Цицерон, и Ямвлих, так и называлась – «Протрептик». Стратегия публичной открытости философского знания заметно превалировала над рецидивами его эзотерической замкнутости. Даже пифагорейцы связывали тайной неразглашения лишь отдельные фрагменты достигнутых ими знаний. Уместными местами для философских бесед и деклараций тогда были рынок, портик или площадь. Диспуты схоластов непременно были публичными. Подчеркнутой легитимностью отличались салонные вечера с мыслителями Просвещения. Публицистическая активность философа традиционно оставалась нормой, она вовсе не дискредитировала философию. Вот ее то, протрептику, часто и называют сегодня ПФ, вдобавок смешивая приглашение к философии с утешением ею.

К ПФ часто относят философские кафе, книжки для детей, где затронуты философские идеи, а также всякие современные общественные собрания людей (например, движение «Философские практики», инициированное Гердтом Ахенбахом), на которых

философские идеи обсуждаются применительно к ситуативным интересам собравшейся публики. Во Франции подобные демократические формы приобщения называют «общегородской философией». Симптоматично, что данная позиция, по сути, является вскользь затронутым (отчасти методическим и преимущественно институциональным) ракурсом того, что мыслится под ярлыком ПФ, но не учитывает актов и институтов профессиональной деятельности философов, их профессиональной подготовки. Кафе и салоны посещает озабоченная и заинтересованная публика, такое общественное и большей частью дилетантское философствование, конечно, следует приветствовать и поощрять. Но разве менее «практической» является, скажем, подготовка аспирантов в институтах философии или деятельность преподавателей факультетов по подготовке философов? Позволительно ли отнести к ПФ хотя бы процедуры беглого ознакомления в вузах с философией студентов иных специальностей?

Казалось бы, к жанру «протрептик», если он действительно присущ ПФ, следует, прежде всего, отнести многочисленные учебные пособия. Но внимание адептов ПФ поглощено «философиями для детей», об иных пособиях они не упоминают. Как и о кафедрах, об армии преподавателей философии в колледжах и вузах, коих всегда числилось много больше, чем соответствующих кафе, детских книжек или салонов.

Кроме необъяснимого предпочтения поддержки дилетантизма вниманию к профессиональным обучающим режимам, позиция сторонников ПФ, таким образом, здесь в целом остается непродуманной и невнятной. К обучающему консультированию, к «практичности» тех или иных воззрений иногда относят даже факт влияния одного мыслителя на другого [13, с. 507].

Понятно, что без протрептик философия бы угасла (как факел, который некому передать), она выполняет необходимую функцию. Но почему эту трансляционную функцию следует именовать ПФ? Разве все полезное, к области которого, напомним, относятся даже абстрактные теории, непременно практично? Справедливо, что «нет ничего практичнее хорошей теории», но разве этот факт стирает разницу между ней и практикой? Разве теория множеств, которая продуктивно применяется для решения практических задач, становится «практической теорией множеств»? Да нет, она просто практична.

Оскара Бренифье, который написал полезные книги по философии для детей и успешно модерировал многие семинары для самой разной публики, посвященные актуальным жизненным вопросам, иногда причисляют к «гуру» ПФ: мол, он такими методами способствовал изучению человека в мирах повседневности [14, с. 30]. Считая вполне правомерным стремление представить предмет философии в качестве рефлексии дискурса и бытия всякого субъекта (как пишет Бренифье, от «воспитанника детского сада» до «студента университета»), следует также признать справедливость (но отнюдь не оригинальность) его критики схоластической монологической протрептики философии. Однако заметим, что автор говорит о «практическом измерении философии» или о «практической философской деятельности», но отнюдь не о ПФ [15; 16]. Это уточнение вовсе не является казуистикой или ненужной придиркой: смыслы автор иные в слова вкладывает. «Практичность» у него предполагает мужество столкновения привычного –

с реальностью другого (с «инаковостью»), поиск приемлемых решений благоразумного поведения. Теория возможна постольку, поскольку она в состоянии выйти за собственные пределы, существует в дуальном практическом модусе диалога. Иными словами, в терминологии логики, «практичность» у Бренифье вполне корректно означает атрибутивную функцию философии, но не ее часть.

Взяв же за обыкновение именовать функцию вещью (и тем самым не считать гипостазирование логическим изъяном), практической философией можно произвольно объявить что угодно, любую умную притчу или самую отъявленную метафизику. Ведь повлияла же она на что-то и на кого-то, и споры о ней в кафе не утихают, и преподаватели о ней рассказывают. Но ПФ все же является функцией, а не «вещью», не составной частью философии. Ее невозможно выстроить как дисциплину, как учебный курс, который был бы пригоден для преподавания.

Наблюдаемый ренессанс практик философского консультирования, продолжим наш краткий анализ, не исчерпывается похвальностью протрештики, но в приложении к терапевтическим практикам зачастую без тени смущения совмещен с техниками манипуляций и с меркантильными интересами. Когда пионерами ПФ объявляются софисты, а ее образцовым современным представителем считается Дейл Карнеги, то, понятно, о стремлении к истине и о бескорыстии следует забыть – это уже «софология» [13]. Дружбу, мол, не заслуживать нужно, а завоевывать, и чтобы начать жить, нужно перестать беспокоиться. Забота обременяет, чтобы «лучше жить» нужно просто «лучше думать». Правильно выводить философию на рынок, как это Сократ делал. Всякая услуга денег стоит. Высшая задача философии – это искусство жить, а не теории строить. Таковы примерные тезисы сторонников (их численность вовсе не мала) такого варианта консультирования.

На набережной Алушты недавно было расклеено объявление: «Завтрак с любвиологом», ну и, конечно, номер телефона указан. Можно ли отнести это к первым шагам формирования службы «консультирования – собеседования – исповедания», о радужных перспективах создания которой охотно рассуждают многие адепты ПФ? Вероятно, нашему лукавому «лювиологу» иногда удавалось, по крайней мере, подкрепиться за счет клиента. Замалчиваемый парадокс и логического, и этического свойства применительно к подобным ситуациям, однако, состоит в том, можно ли брать плату (пусть даже и незначительную) за уроки бескорыстия? Означает ли рыночная (пусть даже и полезная для клиента) монетизация философии ее переход в статус ПФ? – на этот вопрос ясный ответ нужен. Только, увы, невнятным он остается.

В качестве краткого итога заметим, что рассмотренные три версии использования имени ПФ при всех присущих им изъянах, тем не менее, в числе достоинств отличны тем, что они не являются изолированными, друг друга не исключают. Ярлыком ПФ в этих случаях обосновано удостоверяется их референциальное сопряжение. Философия поступка, достойного образа жизни и утешения, бесспорно, взаимосвязаны в конструктивном дополнении. Только «практическая философия» отнюдь не означает именованная части, раздела современной философии. Под ней подразумевается практичность

философии как ее атрибутивная функция. Причем понятие практики здесь сужено до персонального нравственного опыта. Также данные версии лишены дисциплинарной строгости, нужной для построения учебного курса.

Иные версии ПФ, лишённые референциального сопряжения, рассмотрены нами в отдельной статье.

Список литературы

1. Учебники платоновской философии. – Томск: «Греко-латинский кабинет» Ю.А. Шичанина (Москва), «Водолей» (Томск), 1995. – 160 с.
2. Гусейнов А.А. Ответы на современные вызовы. // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Т. 7 (73), № 3. Симферполь, 2021. – С. 37-47.
3. Рыскельдиева Л.Т. О деонтологии, долженствовании и эстетизме // Философский журнал / Philosophy Journal. 2022. Т. 15. № 1. С. 147-160.
4. Адорно Теодор В. Проблемы философии морали / Пер. с нем. М.Л. Хорькова. – М.: Республика, 2000. – 239 с.
5. Сингер Питер. О вещах действительно важных. Моральные вызовы двадцать первого века / Пер, с англ. Е. Фотьяновой. М.: Синдбад, 2019.
6. Аттар, Фарид ад-дин. Логика птиц: [поэма] / пер. с перс. Мостафа Борзуи. – М.: Номос, 2009. – 310 с.
7. Федорова Ю.Е. Путь к истине: структура философской поэмы «Язык птиц» Фарид ад-Дина Аттара (XII в.) // Философия и культура № 9 (57), 2012. С. 83-93.
8. Навои А. Язык птиц / Пер. С. Иванова. Санкт-Петербург: «Наука», 1993. – 384 с.
9. Сквайрс Е.Р., Фердинанд С.Н. Ганза и Новгород: Языковые аспекты исторических контактов. – М.: Издательство «Индрик», 2002. – 368 с.
10. Боэций А.М.Т.С. «Утешение философией» и другие трактаты. / Отв.ред. Г.Г. Майоров. М.: Наука, 1990. – 414 с.
11. Боттон А. де Утешение философией / Аллен де Боттон; [пер. с англ. А. Александровой]. – М.: Эксмо, 2014. – 384 с.
12. Омельченко Н.В. Философская рефлексия как терапия // Практическая философия: от классики до информационного социума: Сборник материалов Все-союзной конференции (Астрахань, Астраханский государственный университет, 27-28 сентября 2018 г.) / Под научной редакцией Л.В. Баемой и К.А. Маркелова. – Астрахань: Издатель: Сорокин Роман Васильевич, 2018. – С. 28-32. 550 с.
13. Балашов Л.Е. Практическая философия или софология. М., 2007. – 574 с.
14. Габриелян О.А., Лазарев Ф.В. Практическая философия: современные трансформации и перспективы. Вместо манифеста. // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Т. 7 (73), № 3. Симферополь, 2021. – С. 20-36.
15. Бренифье О. Искусство философской практики: философские установки /

- О. Бренифье // Социум и власть. – 2018. – № 1 (69). – С. 80-87.
16. Бренифье О. Природа философствования // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Т. 7 (73), № 3. Симферополь, 2021. – С. 151-155.

Сведения об авторе

Шоркин Алексей Давыдович – доктор философских наук, Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского, Г. Симферополь, Российская Федерация.

Email: alexshorkin@mail.ru

Shorkin A. D.

“PRACTICAL PHILOSOPHY”: THE LINKING OF REFERENCES

Abstract: *The name «Practical Philosophy» (PP) is now used to signify many denotations so diverse and weakly correlated that doubts are legitimate: is it worth using it at all if we want to avoid confusion? From the variety of interpretations, the article considers the traditional versions of understanding the PP as good intentions, personal perfection and consolation. The presented versions are in some way coordinated, referentially conjugated. What other interpretations of the PF are lacking, which will be discussed in a separate article. The nomenclature of all six main options for using the PF label is compiled by the author based on a selection of more than two hundred texts. In addition to the texts of the historical and philosophical heritage, it included materials from the All-Russian and some regional conferences dedicated to the PF, a special issue of the journal «Scientific Notes» of the KFU, as well as a number of textbooks and books on the PP.*

In modern philosophy, there is no special part (section) of it that would be appropriate to consider «practical». But for a long time and to this day there has been a colossal abundance of effective practices for applying philosophical knowledge to different areas of life, which, together and separately, with unpretentious illegibility of homonymy, are referred to as «PP». A universal training course on PP is not possible. Any mental structures, no matter how abstract, ultimately find their lofty and at the same time earthly justification in their application to everyday reality. The PF label certifies not the logic of a thing, but the logic of its attribute: it denotes the fact of the productivity of the philosophical study of any things and processes. Practical explications of philosophical contents organically enter the body of philosophy, but not as some kind of superfluous and absurd separate organ, but as its attributive function.

Keywords: *practice, deed, personal perfection, protreptic, consolation, philosophical therapy.*

References

1. Uchebniki platonovskoj filosofii. – Tomsk: «Greko-latinskij kabinet» Yu.A. Shichanina (Moskva), «Vodolej» (Tomsk), 1995. – 160 s.

2. Gusejnov A.A. Otvery` na sovremenny`e vy`zovy`. // Ucheny`e zapiski Kry`mskogo federal`nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. T. 7 (73), № 3. Simferopol`, 2021. – S. 37-47.
3. Ry`skel`dieva L.T. O deontologii, dolzhenstvovanii i e`stetizme // Filosofskij zhurnal / Philosophy Journal. 2022. T. 15. № 1. S. 147-160.
4. Adorno Teodor V. Problemy` filosofii morali / Per. s nem. M.L. Xor`kova. – M.: Respublika, 2000. – 239 s.
5. Singer Piter. O veshhax dejstvitel`no vazhny`x. Moral`ny`e vy`zovy` dvadcat` pervogo veka / Per, s angl. E. Fot`yanovoj. M.: Sindbad, 2019.
6. Attar, Farid ad-din. Logika pticz: [poe`ma] / per. s pers. Mostafa Borzui. – M.: Nomos, 2009. – 310 s.
7. Fedorova Yu.E. Put` k istine: struktura filosofskoj poe`my` «Yazy`k pticz» Farid ad-Dina Attara (XII v.) // Filosofiya i kul`tura № 9 (57), 2012. S. 83-93.
8. Navoi A. Yazy`k pticz / Per. S. Ivanova. Sankt-Peterburg: «Nauka», 1993. – 384 s.
9. Skvajrs E.R., Ferdinand S.N. Ganza i Novgorod: Yazy`kovy`e aspekty` istoricheskix kontaktov. – M.: Izdatel`stvo «Indrik», 2002. – 368 s.
10. Boe`cij A.M.T.S. «Uteshenie filosofiej» i drugie traktaty`. / Otv. red. G.G. Majorov. M.: Nauka, 1990. – 414 s.
11. Botton A. de Uteshenie filosofiej / Alen de Botton; [per. s angl. A. Aleksandrovoj]. – M.: E`ksmo, 2014. – 384 s.
12. Omel`chenko N.V. Filosofskaya refleksiya kak terapiya // Prakticheskaya filosofiya: ot klassiki do informacionnogo sociuma: Sbornik materialov Vsesoyuznoj konferencii (Astraxan`, Astraxanskij gosudarstvenny`j universitet, 27-28 sentyabrya 2018 g.) / Pod nauchnoj redakciej L.V. Baevoj i K.A. Markelova. – Astraxan`: Izdatel`: Sorokin Roman Vasil`evich, 2018. – S. 28-32. 550 s.
13. Balashov L.E. Prakticheskaya filosofiya ili sofologiya. M., 2007. – 574 s.
14. Gabrielyan O.A., Lazarev F.V. Prakticheskaya filosofiya: sovremenny`e transformacii i perspektivy`. Vmesto manifesta. // Ucheny`e zapiski Kry`mskogo federal`nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. T. 7 (73), № 3. Simferopol`, 2021. – S. 20-36.
15. Brenif`e O. Iskusstvo filosofskoj praktiki: filosofskie ustanovki / O. Brenif`e // Socium i vlast`. – 2018. – № 1 (69). – S. 80-87.
16. Brenif`e O. Priroda filosofstvovaniya // Ucheny`e zapiski Kry`mskogo federal`nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. T. 7 (73), № 3. Simferopol`, 2021. – S. 151-155.

Shorkin Alexey Davydovich – Doctor of philosophical science, the Crimean Federal University of V. I. Vernadskij, Simferopol, Russian Federation.

Email: alexshorkin@mail.ru